

шие изменения, которые происходили в традиционной культуре русских, карел, вепсов, води, ижор, саамов под влиянием важнейших социально-экономических процессов, имевших место в стране в послереволюционные годы. Он фиксировал новые явления народного быта, выявлял их соотношение со старым традиционным укладом деревенской жизни.

Все эти материалы, тщательно собранные Д. А. Золотаревым и его коллегами, сыграли существенную роль при разработке в последующее время советскими учеными теоретических основ этнографии. Составленные ученым этнические карты Северо-Запада европейской части СССР и Верхней Волги и подробные указатели к ним также сохранили, как уже отмечалось, научную ценность. Широко используются современными исследователями и антропологические работы Д. А. Золотарева.

Давид Алексеевич предстает перед нами как талантливый ученый, прекрасный организатор, любящий свое дело музейный работник, а в воспоминаниях знавших его людей — как мягкий обаятельный человек.

Э. В. Померанцева

А. Н. АФАНАСЬЕВ И БРАТЬЯ ГРИММ *

Лишь немногим ученым удастся достичь признания всего народа; имя даже выдающегося ученого сравнительно редко получает широкую известность за пределами научных кругов. К таким ученым в России относится филолог XIX в. Александр Николаевич Афанасьев. Столь же неразрывно связаны не только с немецкой наукой, но и со всей немецкой культурой известные всему миру братья Якоб и Вильгельм Гримм.

И братья Гримм и Афанасьев своими теоретическими работами внесли в науку весьма существенный вклад; однако всеобщую любовь широких народных масс, популярность у взрослых и детей завоевали они не этими работами, а собиранием народных сказок, своими книгами «Детские и семейные сказки» и «Народные русские сказки».

Не вызывает сомнений выдающаяся роль братьев Гримм в жизни немецкого народа, неоспоримы их огромные заслуги перед мировой культурой. А. Н. Афанасьева неоднократно называли и называют русским Гриммом: «Знаменитый Афанасьев, Вильгельм Гримм России», — писал о нем видный немецкий фольклорист Фридрих фон дер Лайен¹. Безусловно, такое сравнение обосновано: собрание народных сказок А. Н. Афанасьева — сокровищница русского народно-поэтического творчества. Это первое фундаментальное собрание настоящих народных русских сказок, и его роль в истории русской культуры во многих отношениях сопоставима с ролью в истории немецкой культуры собрания братьев Гримм. В русской науке А. Н. Афанасьев — один из наиболее ярких представителей мифологической школы, созданной братьями Гримм. В некоторых отношениях аналогичны и методы, разработанные ими для публикации фольклорных текстов. Сходны их научные принципы и методы исследования. Однако А. Н. Афанасьев был слишком крупным ученым и занимался изучением достаточно своеобразного материала для того, чтобы рабски подражать во всем своим учителям. «Русский Гримм» был оригинальным, самостоятельным исследователем, творчески переработавшим опыт и достижения своих и русских, и зарубежных предшественников.

* В текущем году исполнилось 200 лет со дня рождения Якоба Гримма — знаменитого филолога и фольклориста. ЮНЕСКО объявило 1985 г. «годом Гриммов». В связи с этим редакция журнала сочла возможным познакомить советских читателей со статьей известного сказковеда Э. В. Померанцевой (1899—1980 гг.), посвященной сравнительному анализу творчества А. Н. Афанасьева и братьев Гримм. Статья была опубликована на немецком языке (A. N. Afanasev und die Brüder Grimm. — Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. B., 1963, Bd. 9, Th. 1, S. 94—103).

¹ Leyen F. von der. Die Welt der Märchen. Bd. II. B., 1954.

Сборник Афанасьева «Русские народные сказки», вышедший отдельными выпусками с 1855 по 1863 гг., впервые показал русскому народу его собственное достояние — народную сказку — во всем ее богатстве и блеске, во всей красоте, во всем многообразии. Он сразу же стал любимой книгой русского читателя и остается ею до сегодняшнего дня.

Примечательно, что еще за четверть века до первого издания «Народных русских сказок» Якоб Гримм в предисловии к составленному Антоном Дитрихом собранию русских сказок на немецком языке отметил общие моменты европейских сказок и одновременно подчеркнул своеобразие национального характера русских сказок, выразив надежду, что в славянских странах пробудится интерес к собиранию фольклора. «У сербов, чехов, поляков и русских, — писал он, — есть множество детских сказок, правдивость и простота которых внесет необходимый вклад в историю европейского народно-поэтического творчества»². Эти слова как бы предсказывали появление собрания Афанасьева.

Сборник Афанасьева значительно превышал по объему собрание сказок братьев Гримм, он содержал около 600 текстов. В него вошли сказки о животных, волшебные и приключенческие сказки-новеллы, народные анекдоты, небылицы и шуточные сказки. Больше всего места, как и у братьев Гримм, было отведено волшебным сказкам, которым составитель уделил особое внимание и в предисловиях к первому и второму изданиям. Это объясняется тем, что именно волшебные сказки казались составителям и немецкого, и русского собраний самыми древними, самыми ценными и самыми достойными внимания и изучения.

А. Н. Афанасьев, в отличие от братьев Гримм, чье собрание явилось итогом их многолетней собирательской деятельности, не был собирателем. Им самим записано лишь около 10 текстов. Остальные были взяты из архива Русского географического общества или переданы ему отдельными собирателями: большинство записей сделаны неизвестными лицами. Но встречаются и тексты, записанные такими известными собирателями, как П. И. Якушкин, Н. И. Второв и, наконец, В. И. Даль, из богатейшего собрания которого Афанасьев заимствовал около 150 текстов. Он использовал также некоторые лубки, собрания конца XVIII — начала XIX в., а также периодические издания.

А. Н. Афанасьев приступил к изданию сказок во всеоружии знаний современной ему науки, опираясь на опыт предшественников и сознавая всю серьезность и ответственность стоявшей перед ним задачи. О том, что собрание «Детских и семейных сказок» было для него образцом, свидетельствует его письмо А. Краевскому, редактору журнала «Отечественные записки», от августа 1851 г. Афанасьев предлагал Краевскому опубликовать несколько народных сказок, указывая, что «этот предмет далеко не чужд интереса». В письме содержится целый ряд сведений, существенных для истории собрания «Народных русских сказок». «Издание будет ученое, — пишет А. Н. Афанасьев, — по образцу издания братьев Гриммов, текст сказок будет сопровождаться нужными филологическими и мифологическими примечаниями, что еще больше даст цены этому материалу; кроме того, тождественные сказки будут сличены с немецкими сказками по изданию Гриммов и аналогичные места разных сказок указаны... Изданию я предпослал бы небольшое предисловие о значении сказок и методе их ученого издания»³.

Собрание братьев Гримм привлекало Афанасьева, разумеется, не только количеством и качеством текстов, но и способом подачи материала, комментариями и глубоко поэтичным предисловием, в котором сказался пафос собирательской и публикаторской деятельности его авторов.

Предисловие к собранию братьев Гримм, написанное в характерном для романтиков приподнятом и слегка цветистом стиле, отражало кредо

² Dietrich A. Russische Völksmärchen in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt/Mit einem Vorwort von J. Grimm. Leipzig, 1831, S. V.

³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. 3-е изд., т. I. М., 1897, с. X.

составителей: они, по их собственным словам, стремились не только внести вклад в историю поэзии и мифологии, но и создать книгу, которая имела бы благодаря истинно поэтическому содержанию воспитательное значение. Это предисловие демонстрирует широту научных взглядов братьев Grimm. В нем подчеркивается сходство сказок разных народов, которое объясняется общими для всех народов идеями, лежащими в их основе. Говоря о независимом происхождении сходных мотивов у разных народов, авторы не исключают возможности заимствования некоторых из них. Общим ценным признаком сказок у всех народов братья Grimm считают их мифологическую основу, благодаря которой они не являются «ни в коем случае лишь пестрой игрой бессодержательной фантазии»⁴.

Все эти мысли были, видимо, особенно близки Афанасьеву, также не один раз отмечавшему большое значение сказок и прежде всего ценившему в них нравственное начало, поэтическую чистоту и детское простодушие. Не случайно он писал в предисловии к своему собранию, что «большое значение народных сказок как богатейшего материала для истории, филологии и этнографии уже давно понято и отмечено талантливейшими из немецких ученых» (разрядка моя.— Э. П.). Цель своей работы Афанасьев формулирует, исходя из концепции, близкой к концепции братьев Grimm. «Цель настоящего издания — объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок»⁵.

Основные особенности собрания сказок братьев Grimm и Афанасьева, принцип отбора, целенаправленность комментариев и предисловия очень близки и определяются методологией и принципами одной научной школы, к которой принадлежали составители, — мифологической, сыгравшей в истории русской филологии XIX в. огромную роль. Научное наследие братьев Grimm и Афанасьева столь велико, что в небольшой статье его полностью не охватить, даже если ограничиться только сопоставлениями. Мы остановимся лишь на важнейших моментах, прежде всего на теоретических основах, определивших интерес исследователей к народной сказке и характер их работ.

Мифологическая школа уже давно изжила себя. Нет необходимости еще раз говорить о ее недостатках, это делалось на протяжении столетия с различных позиций не один раз, и в настоящее время они ясны всем. Однако широта научных интересов ее основателей — братьев Якоба и Вильгельма Grimm, их замечательная собирательская деятельность и введение в научный оборот огромного фактического материала, их проницательность при формулировании теоретических проблем языка, мифологии и фольклора определили их значение для мировой, в том числе и для русской науки. Такие книги, как «Немецкая мифология» (1835 г.) и «История немецкого языка» (1848 г.), вошли в основной фонд филологии, однако прежде всего это относится к «Детским и семейным сказкам» (1812—1814 гг.), преодолевшим географические, этнические, государственные и социальные границы и ставшим в полном смысле слова достоянием мировой культуры.

Работы братьев Grimm, как и М. Мюллера, А. Куна, В. Шварца и других ученых того же направления, способствовали возникновению и развитию мифологической школы в России, они были высоко оценены русскими исследователями, прежде всего такими блестящими представителями этой школы, как Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев.

Особую роль в этом отношении сыграла «Немецкая мифология» Якоба Grimma, к которой Афанасьев неоднократно обращался при создании своего капитального трехтомного исследования «Поэтические воззрения славян на природу», издававшегося в 1866—1869 гг.

Цель обоих трудов (Grimma и Афанасьева) была одинаковой: проанализировать древние религиозные представления народа, исследовать

⁴ Kinder- und Hausmärchen/Gesammelt durch die Brüder Grimm. B., 1957, S. 789.

⁵ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1855, с. 1.

старую национальную мифологию. В соответствии с этим и называлась первоначально книга Афанасьева; лишь под давлением цензуры «религиозные воззрения славян» были заменены на «поэтические». Обе книги близки и по способу изложения материала. Для исследований Афанасьева, как и для работы Гриммов, характерна тесная связь между изучением народно-поэтического творчества, мифологии и языка. Обращаясь к изначальному смыслу слова и исходя из его главного значения, Афанасьев связывает мифологические представления с явлениями природы. Близки Афанасьеву и сформулированные Якобом Гриммом основные положения, касающиеся сказки, согласно которым в ней содержатся последние чудесные отзвуки древнейших мифов; ибо, как он считает, сказания о богах с течением времени превратились в народные предания, сказки, обряды, пословицы и т. п.

Характерна тематика ранних работ Афанасьева, которые позже в переработанном виде были включены в его главную книгу. Первая работа — «Дедушка домовый» вышла в 1850 г. в первом томе архива Калачова, затем были опубликованы «Ведун и ведьма» (1851 г.), «Языческие предания об острове Буяне» (1851 г.), «Зооморфические божества у славян» (1853 г.), «Несколько слов о соотношении языка с народными поверьями» (1853 г.), «О происхождении мифа» (1860 г.) и др. Итогом исследований Афанасьева в этой области стала упомянутая выше книга «Поэтические воззрения славян на природу» — попытка сравнительного изучения славянских преданий и поверий в сопоставлении с мифологическими сказаниями других родственных народов. Это исследование является важнейшим памятником русской мифологической школы, оно отразило и ее положительные стороны, и ее недостатки. Наряду с «немецкой мифологией» оно было манифестом европейской мифологической школы. В главе «Происхождение мифа, метод и средства его изучения» Афанасьев излагает принципы своего исследования. Вот его главная мысль: «Богатый и, можно сказать, единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями»⁶. Он утверждает, что «зерно, из которого вырастает мифическое сказание, кроется в первозданном слове; там, следовательно, и ключ к разгадке басни, но, чтобы воспользоваться им, необходимо пособие сравнительной филологии»⁷.

В этой части рассуждений Афанасьев ближе всего к мыслям, изложенным М. Мюллером в его «Лекциях о языке». Однако при изучении исторических путей развития мифа и его последующих изменений он полностью разделяет концепцию Я. Гримма, изложенную в «Немецкой мифологии». Касаясь дальнейшей судьбы мифов, изменений, которым они подвергались в своем историческом развитии, Афанасьев подчеркивает следующие моменты: раздробление мифических сказаний; «переселение» мифов на землю: их связь с определенным местом и с определенными историческими событиями; моральное (этическое) мотивирование мифических сказаний.

В своей книге Афанасьев останавливается на отдельных жанрах фольклора, вскрывая их связи с мифотворчеством. Он утверждает, что в загадках народ выражает «свои старинные воззрения на мир божий»⁸. Особенно тесная связь загадки с мифом придает ей, по мнению Афанасьева, «значение таинственного ведения, священной мудрости, доступной преимущественно существам божественным»⁹.

В пословицах, поговорках, прибаутках, частушках, заговорах Афанасьев видел памятники «издавна сложившихся воззрений на жизнь и ее условия»¹⁰. При этом он уделял значительное внимание заговорам, в основе которых не опыт, а мифические представления. Слова заговоров представляются Афанасьеву остатками языческих молитв и проклятий.

⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1865, с. 5.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Там же, с. 25.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 26.

Среди лирических песен особо важными он считает обрядовые, так как в них содержатся «любопытные указания на старинные верования и давно отживший быт»¹¹. По поводу народного эпоса Афанасьев придерживается того мнения, что герои его первоначально олицетворяли простейшие силы природы, и ссылается на «блестящую», по его словам, статью Якоба Гримма о «Калевале», подчеркивая «художественное чутье» автора в отношении народно-поэтического творчества. Полезные указания для освещения мифов могут содержаться, по его мнению, и в духовных стихах, особенно в древней духовной песне «Стих о голубиной книге», в которой «что ни строка — то драгоценный намек на древнее мифическое представление...»¹². Большое внимание уделил Афанасьев в этой главе и сказкам, утверждая, что они «создались на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу», что они свободны от всего исторического, что их предмет «не человек, не его общественные тревоги и подвиги, а разнообразные явления всей обоготворенной природы»¹³. Из этого Афанасьев делает вывод, что «чудесное сказки есть чудесное могучих сил природы...»¹⁴.

Итак, утверждая, что в основе сказки лежат древнейшие мифы, возникшие в результате поэтизации явлений природы, Афанасьев разделяет точку зрения Якоба Гримма на сказку, но он пришел к ней, анализируя материал славянских сказок.

На взгляды Афанасьева, без сомнения, повлияли работы Ф. И. Буслаява, одного из значительнейших ученых, главы русской мифологической школы, а также ряда западноевропейских ученых, особенно Макса Мюллера. Но самое большое влияние на все исследования Афанасьева и в первую очередь на его отношение к народным сказкам оказали труды Якоба Гримма. Будучи сторонником идей западноевропейской науки, Афанасьев позаимствовал у немецких ученых, в том числе и у Якоба Гримма, много спорных положений по вопросам мифологии и языка без достаточно критического отношения к ним. Однако нельзя не согласиться с мнением Ю. М. Соколова, согласно которому обращение Афанасьева к западноевропейской науке само по себе в то время было без сомнения прогрессивным явлением¹⁵. Следует заметить, что Афанасьев не ограничивался абстрактными теоретическими рассуждениями, а собрал большой и разнообразный фактический материал, благодаря которому его книга до сих пор не потеряла своего значения как грандиозное собрание материала по верованиям славян.

Обращение крупных мифологов к изучению, собиранию и изданию сказок своих народов тесно связано со всей их исследовательской работой. Именно это внутреннее родство с крупнейшими в XIX в. исследователями сказок и в то же время большую самостоятельность А. Н. Афанасьева тонко почувствовал А. Н. Пыпин и так охарактеризовал их в своей «Истории русской этнографии»: «То гуманно-поэтическое настроение, которое мы указывали у Гримма как нравственное сопровождение научной теории, встретилось и совпало у русского исследователя с его собственным нравственным содержанием, воспитавшимся на лучших стремлениях наших сороковых годов»¹⁶. Очевидно, что именно эти «лучшие стремления наших сороковых годов» определили в первую очередь интерес Афанасьева к народу и его творчеству. И когда он опубликовал свои народные сказки, то превзошел в некоторых отношениях своих учителей.

Братья Гримм, рассчитывавшие не столько на взрослых читателей, сколько на детей, ввели в тексты сказок значительные стилистические изменения, которые с каждым новым прижизненным изданием становились все более заметными. В предисловии к изданию 1857 г. сказано, что

¹¹ Там же, с. 45.

¹² Там же, с. 50.

¹³ Там же, с. 54.

¹⁴ Там же, с. 55.

¹⁵ Соколов Ю. М. Жизнь и научная деятельность Александра Николаевича Афанасьева. — В кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. М., 1936, с. X.

¹⁶ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. СПб., 1891, с. 144.

они «дополнили неполное, пересказали кое-что проще и чище». Так как прежде всего им были важны «верность и правда» опубликованного материала, они, по их собственным словам, не изменяли сюжета, ничего не прибавляли и не посягали на содержание сказок, а лишь делали стилистические исправления, казавшиеся им необходимыми и полностью оправданными: «То, что мы в большинстве случаев приложили руку к оформлению отдельных частных, само собой разумеется»¹⁷.

Исходя из тех же предпосылок, стремясь воссоздать пратекст сказки во всей его чистоте, братья Гримм прибегали и к контаминации вариантов. Они бережно относились к языку сказки и по возможности сохраняли диалектные формы. Эту работу они проводили очень умело, с должным тактом, опираясь на глубокое знание народного языка, что заметил в свое время еще Фридрих Энгельс. Если они и допускали осторожные изменения в тексте, то были категорически против попыток «украшательства» народной сказки за счет литературной обработки, против ее поэтизации.

Стилистическая противоречивость, характерная для собрания Афанасьева, лишний раз доказывает, что Афанасьев также очень бережно обращался с текстом публикуемых сказок и лишь в отдельных случаях вносил туда незначительные изменения. О характере этих изменений позволяет судить сопоставление текстов его собрания с рукописными источниками, сохранившимися в архиве Русского географического общества. Как правило, Афанасьев вносил изменения лишь в те тексты, которые производили впечатление чересчур литературных; он очищал их от деэпричастных и причастных оборотов, не свойственных народному языку, и от слишком книжных выражений¹⁸. Афанасьев сознательно уделял столь большое внимание вариантам, приводя их наряду с основными текстами. В опубликованных в советское время изданиях сказок Афанасьева каждый вариант приведен под собственным номером как самостоятельная сказка. В признании самостоятельного значения вариантов заключается большое преимущество сборника Афанасьева по сравнению со сборником братьев Гримм, где в примечаниях приводятся лишь немногие варианты, хотя ценность их составителям была, без сомнения, ясна.

Наконец, следует упомянуть о том, что Афанасьев во втором издании своих сказок отказался от их случайной группировки, как это было сделано в первом издании, а также во всех изданиях сказок, опубликованных во времена братьев Гримм, и расположил сказки по определенной системе: вначале сказки о животных, за ними волшебные, героические и приключенческие, сказки о ведьмах, колдунах и мертвецах, сказки-новеллы, анекдоты и т. д. Таким образом, Афанасьев попытался научно классифицировать сказки, сделав по сравнению с книгой братьев Гримм шаг вперед. Введенная Афанасьевым в науку классификация оказала влияние на все дальнейшее исследование сказок и на практику их публикаций. Несмотря на свою недостаточную полноту, эта классификация используется в науке до сих пор.

Тем, что Афанасьев был близок к передовым кругам русского общества, объясняется и его интерес к реалистическим, антифеодальным и антиклерикальным сказкам.

Среди сказок братьев Гримм трудно отыскать тексты, отражающие социальные противоречия. Из 200 сказок там лишь 16 сатирических. Это объясняется, разумеется, не особенностью сказочного репертуара немецкого народа, а установками собирателей и издателей. Следует к тому же заметить, что сатира этих сказок направлена не на социальные противоречия, а на бичевание общечеловеческих пороков, таких как лень, жадность, глупость и т. п. Правда, в ряде сказок говорится о бедности персонажей, иногда о противоречиях между бедными и богатыми, особенно между бедным и богатым братом, причем симпатии всегда на

¹⁷ Kinder- und Hausmärchen, S. 782—783.

¹⁸ Примеры таких исправлений см. в комментариях к книге «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева». Т. I—III. М., 1936—1940.

стороне бедняка, обычно получающего щедрую награду за свои страдания и добродетели. Однако в них не вскрываются социальные противоречия, а скорее приводятся размышления по поводу ценности нравственных качеств человека по сравнению с земными благами. Особенно характерна в этом отношении сказка «Могильный холм» (№ 195), в которой богач при осмотре владений слышит стук «в дверцу сердца», а также голос, задающий ему вопрос, помог ли он своими несметными богатствами своим ближним, заметил ли нищету бедняков, поделился ли куском хлеба с голодными и был ли доволен тем, что имеет, или же стремился к большему¹⁹.

Характерной как для немецких сказок, так и для русских является тема «Хозяин и работник», представленная в собрании братьев Гримм лишь одним откровенно ироничным вариантом («Умный работник», № 162). Язвительен конец сказки — совет последовать примеру «умного работника»; не выполнять приказов хозяина, делать все, что захочется, и поступать так же мудро, как умный Ганс.

В этом отношении собрание Афанасьева гораздо ближе к подлинной сюжетике народных сказок. Следует учесть, что Афанасьев выдержал трудную борьбу с цензурой и что наиболее острые сатирические сказки он опубликовал анонимно за границей под названием «Русская народная сказка». Но и в основном собрании встречаются такие остро сатирические сказки, как «Вороватый мужик» (№ 39), в которой высмеиваются жадность, лень и глупость помещика. В ряде сказок содержатся многочисленные прозрачные намеки на тяжелое положение крестьян. Интерес к сатирическим сказкам был обусловлен близостью Афанасьева к переломным кругам русского общества 1850—1860-х годов.

Собрание братьев Гримм во многих отношениях является результатом патриотического подъема, вызванного наполеоновскими войнами, собрание Афанасьева — свидетельство того, что «в русской общественности середины прошлого столетия произошли немалые сдвиги, обусловившие собою интерес к народному творчеству»²⁰.

Книга Афанасьева — это первое звено в цепи фольклорных публикаций, в том числе таких выдающихся, как книги И. А. Худякова, П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова, В. И. Даля и многие другие.

Отношение братьев Гримм к сказке как к чему-то значительному, серьезному и раскрывающему характерные для глубокого прошлого народные представления побудило их заняться собиранием и публикацией сказок. То же можно сказать, как мы убедились выше, о причинах деятельности Афанасьева. В конечном итоге мифологическая школа обогатила мировую науку двумя весомыми собраниями народных сказок, значение которых нельзя переоценить. Однако каждое из них отражает не только принципы научной школы, к которой принадлежали их издатели, но и общественные стремления и тенденции, характерные для того времени.

Братья Гримм и Афанасьев обессмертили свои имена тем, что вернули народу его сказки, которые постепенно исчезают из устной традиции, но живут и будут вечно жить в книгах, прежде всего в таких ценных, правдивых и глубоко поэтичных, как «Детские и семейные сказки» братьев Гримм и «Народные русские сказки» Афанасьева.

¹⁹ Kinder- und Hausmärchen, S. 756.

²⁰ Соколов Ю. М. Указ. раб., с. IX.